

ЭО, 2016 г., № 1

© П. Швайцер

**КОРЕННЫЕ НАРОДЫ И УРБАНИЗАЦИЯ НА АЛЯСКЕ
И НА КАНАДСКОМ СЕВЕРЕ**

Ключевые слова: городская антропология, урбанизация, миграция, жизнеобеспечение, традиция, сельские территории, коренные народы, циркумполярный Север, Аляска, Канада

В статье предпринята попытка проанализировать состояние городской антропологии на севере Северной Америки, с особым вниманием к коренным народам Аляски. В начале статьи приводится краткая история городской антропологии, за которой следует обсуждение демографического аспекта процессов урбанизации в североамериканской Арктике и Субарктике. При этом затрагиваются дихотомии “село–город” и “традиционное–современное”. В заключение рассматриваются последние тенденции развития современной городской антропологии и перспективы проведения сравнительных исследований на российском Севере.

На Аляске практически не проводится антропологических исследований, которые были бы сфокусированы на проблеме урбанизации. Это является заметным упущением, учитывая те факты, что сегодня в домах Анкориджа и других немногочисленных, но важных городов Аляски говорят более чем на 90 языках мира, и что, по крайней мере, четверть всего коренного населения Аляски “проживает” в Анкоридже (распространенной является возвратная и циклическая миграция, которая превращает Анкоридж и прилегающие поселки в “расширенное поле” для наблюдения) (Feldman 2009: 6).

Приведенная выше цитата из Кэрри Фельдмана может удивить специалистов, работающих за пределами Арктики и знающих, что в Северной Америке городская антропология на протяжении нескольких последних десятилетий является быстро развивающимся направлением общей антропологии (см., например, Low 1996; Sanjek 1990). В то же самое время многие практикующие специалисты знают, что в североамериканской Арктике и Субарктике городская антропология играет довольно незначительную роль по сравнению с доминирующей парадигмой (аборигенных) сельских исследований. Эта статья является попыткой объяснить такое положение дел и обозначить перспективы развития городской антропологии.

Прежде всего, необходимо перечислить те исследования по городской антропологии, которые все же проводятся на севере Северной Америки. При этом в центре нашего внимания окажется Аляска, дополнит обзор информация по канадскому северу, в то время как Гренландия и север Фенноскандии будут упомянуты лишь вскользь. Как заявлено в названии статьи, мой основной интерес заключается в том, чтобы выявить, как коренные народы реагируют на процессы урбанизации. Основной целью этой работы является обзор положения дел в области городской антропологии на севере Северной Америки, однако параллели с арктическими регионами Евразии и особенно с северными регионами Российской Федерации также представляются значимыми.

Несмотря на то, что урбанизация была признана “глобальной тенденцией” на Севере и во всем мире (Megatrends 2011), для антропологии как дисциплины характерна давняя традиция проведения исследований в сельской местности, восходящая к Боасу, Богоразу и Малиновскому. В этом отношении современная антропология Севера может рассматриваться как одна из последних сфер исследований “традиционной культуры”.

Прежде чем перейти к анализу ситуации, я приведу краткий обзор истории городской антропологии и ее теоретических направлений. Далее будут приведены более подробные (демографические) данные относительно уровня урбанизации на Севере, прежде всего, в североамериканской Арктике и Субарктике. Бросив беглый взгляд на северную Канаду, я уделю более пристальное внимание Аляске. И, наконец, будет предложено обсуждение последних тенденций в северной городской антропологии и приведены данные, которые позволят нам вернуться к изначально поставленным вопросам и провести соответствующие параллели с ситуацией на российском Севере.

Ретроспектива: городская антропология на Севере и Юге

Истоки североамериканской традиции городской антропологии восходят непосредственно к Чикагской школе городской социологии, основанной в 1920–30-х гг., и ее направлению – городской экологии (Low 1999: 2). Хотя у Чикагской школы, вероятно, могли быть предшественники (об этом см. Ocejo 2013: 4–5), обычно заслуга “изобретения” традиции, положившей основу не только городской социологии, но и городской антропологии, приписывается Роберту Парку и его экологическому подходу (см., например, Park, Burgess 1925).

С другой стороны, британская традиция городской антропологии своим появлением во многом обязана так называемой Манчестерской антропологической школе, которая была основана в Институте Ливингстона на территории современной Замбии и занималась процессами урбанизации в странах Медного пояса Центральной Африки (Pardo, Prato 2012: 6).

Другая североамериканская традиция, связанная с городской антропологией, так называемые “исследования аккультурации”, сформировалась после Второй мировой войны. В этих исследованиях культурные изменения часто рассматривались как необратимый процесс, а коренные американцы – как сторона, лишенная возможности повлиять на происходящие изменения. Классическим примером подобных исследований на Севере является книга Джона и Ирмы Хонигман *Eskimo Townsmen* (Honigmann, Honigmann 1965), посвященная адаптации инуитов к городской жизни в районе тогдашнего залива Фробишер, о. Баффинова Земля (современный г. Икалуит в Нунавуте). В этих описаниях зачастую присутствует утверждение (прямое или косвенное) о том, что для коренных американцев городской образ жизни является отклонением от нормы (см., например, Brody 1971). Другим примером такого подхода является статья Эрвина, в которой подобная парадигма выстраивается в отношении Аляски (Ervin 1980).

Несмотря на то, что к началу 1970-х гг. городская антропология стала одной из основ североамериканской антропологии, ее теоретический потенциал остался ограниченным. Как отметил один из критиков этого направления, “в 1980-х гг. городская антропология была, возможно, одним из наиболее узких и теоретически слабых течений...” (Sanjek 1990: 151). Спустя несколько лет Сета Лоу по-прежнему должна была задаваться вопросом: “Почему в антропологии так мало теорий, связанных с городом?” (Low 1996: 383). Не пытаясь дать однозначный ответ на этот вопрос, скажу, что определение “городской” является недостаточно емким для обозначения направления развития процессов, протекающих в северных городах и поселках в глобализованном мире. Сходной позиции придерживается и автор недавно опубликованной обзорной

статьи, прослеживающей связи между “городским”, “политическим” и “экологическим” в контексте слияния природы и культуры в городской среде (Rademacher 2015).

Учитывая большую роль групп и отдельных представителей коренного населения в городской среде, более значимым в отношении проблемы идентичности в северных городах может оказаться подход, предложенный авторами книги *Ethnicity, Inc.* (Comaroff, Comaroff 2009). Описанная ими экономика идентичности особенно ярко проявляется в контексте североамериканской Арктики и Субарктики, где концепция индигенности выстраивается на принципах родства, что ведет к натурализации идентичности.

Интерпретация термина “дом культуры” представляет собой другой пример, выстроенный на российском материале. В то время как это понятие, очевидно, имеет советские корни (см. Donahoe, Habeck 2011; Habeck 2014), в северных городах на “западе” сложилась своя собственная традиция “домов культуры”, которые обычно являются музеями, прославляющими и овеществляющими северные и/или аборигенные культуры. Культура, как и этничность, превратилась в один из основных “продуктов” жизнедеятельности на Севере. Хотя североамериканские дома культуры чаще всего находятся в городах, их наличие в поселках и других малонаселенных пунктах несет урбанистический посыл, так же как и в случае их российских/советских аналогов.

Иными словами, в нижеследующем обзоре обращается внимание на суть процессов, протекающих в городской среде, и на урбанизацию. Сначала необходимо в целом оценить, насколько подходящим является ярлык урбанизации для описания демографических процессов на севере Северной Америки, поскольку мы имеем дело с одним из самых отдаленных и малонаселенных регионов мира.

Можно ли говорить об урбанизации на севере Северной Америки?

Ни один из мегаполисов мира не расположен в пределах Крайнего Севера. Поэтому, рассуждая об урбанизации и городской антропологии в Арктике и Субарктике, мы не имеем в виду агломерации с населением 20 и более млн. людей. В действительности, население крупнейших северных городов редко превышает 300 000 жителей.

В то время как северная оконечность Европы, включая север европейской части России, характеризуется большим количеством крупных городов (например, Мурманск, Рейкьявик, Тромсе), на севере Северной Америки городов мало. Если мы проведем границу Севера по 60-й параллели, захватывая Аляску и часть Канады (Юкон, Северо-Западные территории, Нунавут), самым крупным населенным пунктом окажется г. Анкоридж на Аляске.

Пристальнее взглянув на северные территории Канады, мы увидим, что столицы этих территорий, крупнейшие населенные пункты канадского Севера, расположены выше 60 градусов северной широты. В то время как Йеллоунайф (Северо-Западные территории) и Уйатхорс (Юкон) являются местами проживания 20–25 тысяч человек, соответственно, население Икалуита, столицы Нунавута, в 2011 году едва достигало 7000 чел. Икалуит фактически является одним из наиболее быстро растущих населенных пунктов, и неоднократно предпринимались попытки децентрализации правительственных офисов Нунавута путем их переноса за пределы столицы г. Икалуит (Weber 2014). Йеллоунайф, крупнейшее поселение на канадском Севере, уже давно привлекает внимание исследователей (см., например, Fried 1964; Ostergaard 1976), однако последние публикации фокусируются скорее на социальных проблемах, чем на самой урбанизации (Christensen 2011).

Низкая плотность населения на канадском Севере означает, что основные процессы урбанизации протекают южнее его границ. Например, канадские инуиты переезжают в такие города, как Оттава, Эдмонтон, Монреаль и Виннипег (Weber 2014: 187). Поэтому большая доля исследований по городской антропологии была посвящена “южным” городам. Это, в частности, антропологическое исследование инуитов, проживающих

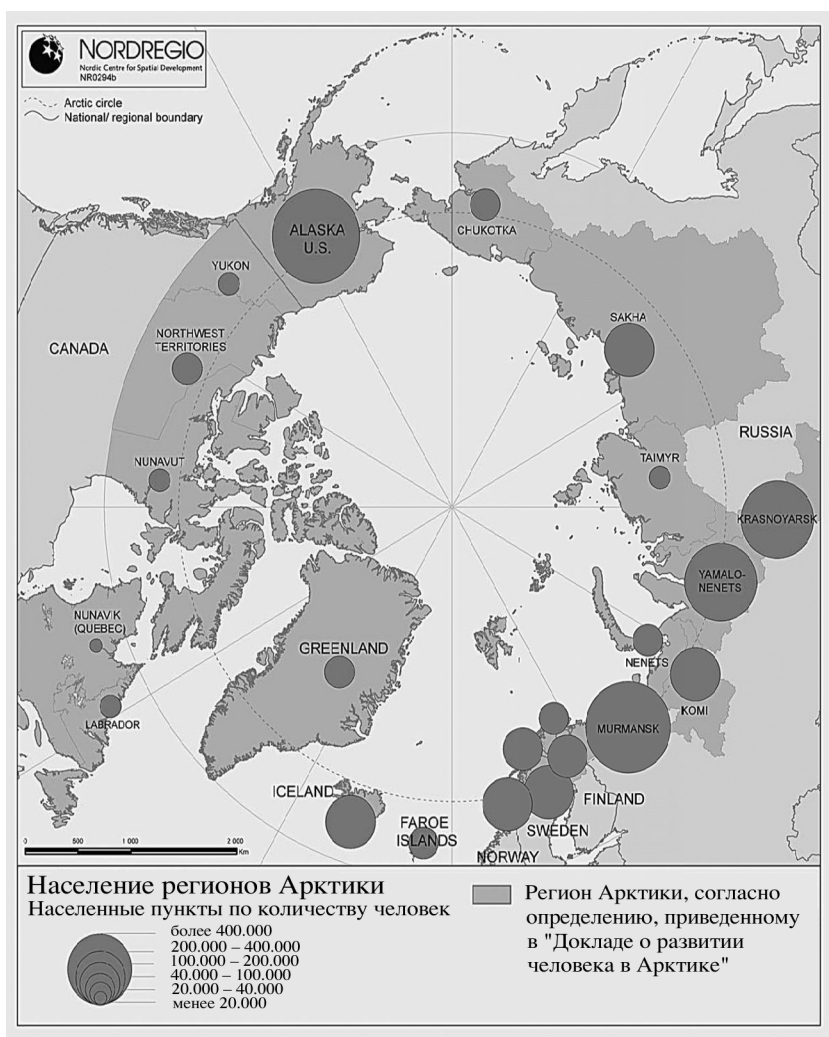

Рис. 1. Население регионов Арктики. Данные по следующим регионам: Норвегия (Нордланд, Тромсё, Финнмарк); Швеция (Норрботтен), Финляндия (Лаппи), Фарерские острова (средний показатель по стране), Исландия (средний показатель по стране), Аляска, США (оценочные показатели), Канада (Северо-Западные территории, Нунавут, Юкон) по состоянию на 2006 г. Россия (Республика Коми, Ненецкий автономный округ, Мурманск, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Саха (Якутия) (по данным переписи), Красноярский край, Таймыр, Чукотка (по данным переписи сельского населения)) по состоянию на 2002 г. Канада (Лабрадор и Нунавик, Квебек (по данным районных органов здравоохранения)) по состоянию на 2001 г. Анализ и дизайн: Р. Расмуссен и Дж. Стерлинг. Карта публикуется с разрешения Nordregio (Nordic Centre for Spatial Development)

в Монреале (*Kishigami* 2006, 2008), работы по аборигенной урбанизации и проблемам здравоохранения в Торонто и Виннипеге (*Senese, Wilson* 2013; *Snyder, Wilson* 2012), по географии расселения бедного населения в канадских городах (*Walks, Bourne* 2006), по гендерным аспектам аборигенной городской миграции (*Williams* 1997), а также исследования жизненного опыта бездомных “городских номадов”, представителей Первых Наций (*Letkemann* 2004).

Аляска крупным планом

В отличие от северных территорий Канады, на Аляске есть по крайней мере один крупный город, а именно Анкоридж, в котором проживает почти половина населения Аляски (300 из 700 тысяч жителей штата).

Помимо Анкориджа, основного центра урбанизации на Аляске, следует упомянуть несколько других больших и малых городов. Во-первых, за звание второго города, на которое раньше претендовал только Фэрбенкс, теперь соперничают Фэрбенкс и Джуно, в каждом из которых проживает по 32 тыс. чел. Джуно, столица Аляски, в последние годы смог увеличить численность своего населения за счет присоединения пригородов.

В преимущественно труднодоступных поселениях западной и северной Аляски находится, по крайней мере, по одному “центральному населенному пункту” на каждый регион. Эти центры являются важными транспортными узлами и административными центрами регионов. К ним относятся Барроу, Коцебу, Ном и Бетел, в каждом из которых проживает значительное число представителей коренного населения. Обратим более пристальное внимание на один из них – г. Ном, расположенный на п-ве Сьюард на северо-западе Аляски, с населением 3600 человек. Регион, который в разговорной речи называется Берингов Пролив (а официально – переписной округ Ном), включает шестнадцать действующих в настоящее время сел (с населением от 100 до 800 человек в каждом) с общим населением около 9000 жителей, 75% которых являются коренными жителями Аляски. Около 51% населения Номы составляют коренные жители Аляски, переселившиеся сюда из ближайших деревень после основания современного города Ном в начале золотой лихорадки в 1900-х гг.

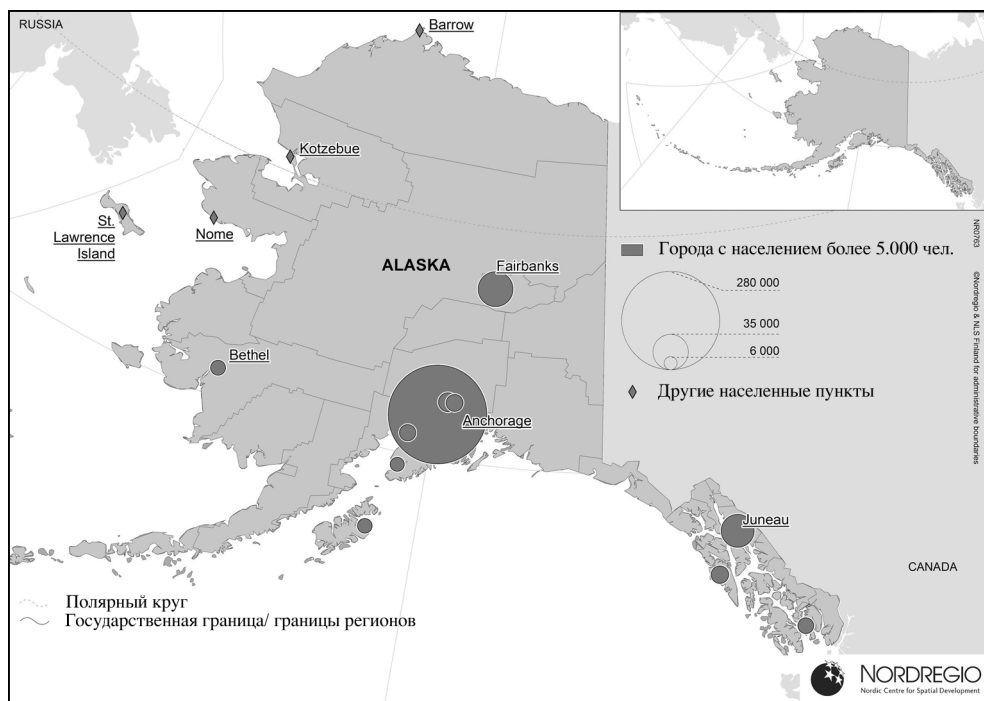

Рис. 2. Население Аляски. Население по данным переписи 2010 г. Источники данных: государственные учреждения статистики. Анализ и дизайн: Дж. Рото и Л. Рисплинг. Карта публикуется с разрешения Nordregio (Nordic Centre for Spatial Development)

Коренными жителями здесь являются эскимосы, преимущественно инупиаты, сибирские эскимосы о-ва Св. Лаврентия и частично носители центрально-юпикских языков, проживающие на юго-востоке региона. Сфера употребления этнических языков сокращается по всему региону, и большинство носителей инупиакских языков относятся к старшему поколению.

Трудоустройство на постоянной основе зачастую является редкостью в селах и предполагает, в основном, работу в школах и аборигенных корпорациях¹, а также в местных магазинах. В Номе, где располагаются госучреждения, предприятия розничной торговли, гостиницы, больница, и где работают технические службы (например, дорожные бригады), гораздо больше рабочих мест. Летний туризм также повышает занятость местного населения. Аборигенная корпорация региона Берингова Проллива была основана согласно Закону по разрешению земельных требований коренных народов Аляски в 1971 г. и имеет 6700 акционеров. Корпорация *Kawerak, Inc.* как некоммерческая региональная организация предоставляет социальную поддержку, профессиональную подготовку и другие услуги коренному населению.

Транспортное сообщение с регионом и в его пределах осуществляется, в основном, по воздуху. Из Анкориджа в Ном летают авиалайнеры, а из Номы в поселки – небольшие самолеты. Три дороги ведут из Номы на север, северо-запад и северо-восток, однако ни одна из них не соединена с системой дорожного сообщения за пределами региона. Периодически на Аляске обсуждаются планы строительства дороги, которая соединила бы Ном с крупными городами Аляски и создала условия для развития горной и других добывающих отраслей промышленности, но пока для осуществления этих планов еще ничего не было сделано.

Городские исследования на Аляске

Физические антропологи и демографы Фредерик Милан и Стелла Поусон одними из первых обратили внимание научной общественности на процессы миграции коренных народов Аляски в города. Их исследование, проведенное на примере Фэрбенкса, показало устойчивый рост коренного населения в этом городе после Второй мировой войны: число представителей коренного населения, проживающих в городе, увеличилось с 165 человек в 1945 г. до 1029 человек в 1972 г. (*Milan, Pawson 1975: 277–279*). В то же время, авторы рассматривали эти демографические и миграционные процессы с точки зрения теории ассимиляции, т.е. одностороннего процесса взаимодействия коренных народов со “сложной культурой” (*Milan, Pawson 1975: 281*) и их вынужденной адаптации к ее правилам.

Учитывая вышеизложенное, тот факт, что магистерских и докторских диссертаций по проблемам городской антропологии на Аляске довольно немного, не должен вызывать удивления. Первая известная мне диссертация была защищена в 1975 г. и касалась “моделей городской адаптации” инуитов Аляски в Анкоридже (*Dubbs 1975*). Это инновационное исследование, основанное на демографических данных и официальных интервью, стало заложником гипотез своего времени, т.е. предполагало, что урбанизация коренных народов ведет к асоциальному поведению. Две магистерские диссертации, защищенные в университете Аляски в Фэрбенксе в 1980-х и 1990-х гг., имели более описательный характер. Гей Энн Уайт привела интересное описание района Фэрбенкса, населенного, в основном, инуитами инуиак, мигрировавшими из

¹ Аборигенные корпорации (англ. *native corporations*) – форма самоорганизации и самоуправления коренных народов Аляски и северной Канады, функции которой варьируют от регулирования земельных отношений с федеральными органами власти и соуправления ресурсами до занятия жизнеобеспечивающими отраслями хозяйства, социальной поддержки и деятельности по сохранению культурного наследия и языков коренного населения (*прим. пер.*).

северной Аляски (White 1981). Дэниз Даниэлло также сосредоточилась на мигрантах инупиак, однако обратила внимание скорее на различные стратегии адаптации, чем на конкретные места расселения (Daniello 1993). В диссертации, защищенной вдали от Аляски, в университете южной Флориды, описаны образы коренных американок из квартала трущоб Анкориджа (Tierney 1991).

В 1986 г. Нэнси Фогель-Чэнс (Fogel-Chance 1993) провела этнографическое исследование среди 26 инупиакских женщин, мигрировавших из аляскинского региона Норт-Слоуп и проживавших на тот момент в Анкоридже. Ее исследование наглядно продемонстрировало, что женщины переезжали в крупнейший город Аляски чаще мужчин. В то же время Фогель-Чэнс подчеркнула, что для этих женщин переезд в Анкоридж не означал отказа от инупиакской культуры. Напротив, они продолжали жить в мирах “современности” и “традиции” одновременно, пользуясь ресурсами городской среды (например, наличными деньгами, жильем), которые были менее доступными в сельской местности. С другой стороны, поселки являлись источниками основных продуктов, играющих чрезвычайно важную (не только экономическую) роль как для поселковых, так и для городских жителей.

Пилотное исследование Джули Спротт (Sprott 1994) среди 12 родителей, представляющих коренные народы Аляски, поставило под сомнение обоснованность сложившихся представлений об односторонних процессах ассимиляции, показав, что миграция в города и смешанные браки не ослабляют аборигенную идентичность. Благодаря Молли Ли, которая ввела в антропологический оборот основанное на игре слов выражение “the cooler ring” (дословно – “холодный круг”, от “Полярный круг”; второе значение – cool – разг. отличный, особенный), был подведен итог исследованиям 1990-х гг.: аборигенные жители городов Аляски являются не менее аборигенными, чем их сельские сородичи (Lee 2002). Этот вывод также имел политическую силу, поскольку был сделан в период обсуждения законопроекта о т.н. “сельской местности как приоритетной зоне проживания”, предложенного штатом Аляска. Этот закон мог бы лишить горожан из числа коренного населения права на занятие традиционными жизнеобеспечивающими видами деятельности². Ли также рассматривала проблемы городов на Аляске через призму аборигенного искусства, например, путем анализа роли ярмарки ремесел Федерации коренных народов Аляски (Lee 2003) – организации, которая занималась поддержкой аборигенных женщин Аляски в адаптации к городскому образу жизни и защите своих политических прав в Анкоридже.

Новейшие тенденции развития городской антропологии Севера

До недавних пор были налицо многочисленные доводы в пользу приведенного в начале статьи высказывания Фельдмана относительно Аляски и, частично, северной Канады. В то же время мы убедились, что ряд существующих исследований по городской антропологии севера Северной Америки фокусируется на аборигенных жителях, мигрирующих из сельской местности в большие и малые города. При этом в центре внимания находятся проблемы адаптации городских мигрантов, а также параллели между сельским и городским образом жизни.

Однако в последние годы ситуация меняется. В приводимом ниже обзоре я упомяну три коллективные публикации – два специальных номера в рецензируемых журналах и сборник материалов конференции – знаменующих начало новой тенденции развития северной городской антропологии.

Первой из них был специальный номер журнала *Études/Inuit/Studies* 2008 г., вышедший под названием “Городской инуит”. Приглашенные редакторы темы Нобу-

² В оригинале *subsistence activities* – отрасли натурального хозяйства, прежде всего, охота и ловля рыбы для собственного потребления (прим. пер.).

хиро Кишигами и Молли Ли в качестве исходного пункта дальнейших рассуждений отметили, что “существует мало антропологических исследований, изучающих жизнь инуитов в урбанизирующихся арктических поселках и южных городских центрах” (*Kishigami, Lee* 2008: 9). География тем статей, вошедших в подборку, охватывает обширные пространства от Аляски и Канады до Гренландии. Статья Сьюзан Дибброу “Происходит ли урбанизация Арктики *в реальности?*” анализирует ситуацию в целом (*Dybbroe* 2008). Она призывает к более комплексному подходу к пониманию этого вопроса, фокусируясь не на цифрах, а на колониальных процессах и концепции “социальной урбанизации” Лидза (*Leeds* 1994) и его “теории центрального места”, которая может интерпретироваться следующим образом: “любой человек, живущий в современном обществе-государстве, живет в урбанизованном обществе” (*Dybbroe* 2008: 23). Две статьи о “городских инуитах” основаны на канадских примерах (*Kishigami* 2008; *Patrick, Tomiak* 2008), еще две – на исследованиях, проведенных в Гренландии (*Pedersen* 2008; *Rygaard* 2008). Единственной статьей этого специального выпуска журнала, написанной по материалам Аляски, является “эссе” (по выражению автора) о нунамуитах из Анактувут-Пасс и их связях с Фэрбенксом, ближайшим, в географическом и социальном плане, городом (*Blackman* 2008). Этот текст можно расценить как еще один аргумент в пользу того, что урбанизация не требует постоянного проживания в городах.

Следующая специальная подборка статей вышла в журнале *Acta Borealia* в 2010 г. Приглашенные редакторы номера Сьюзан Дибброу, Йенс Даль и Людгер Мюллер-Вилле привнесли в эту подборку более сильный гренландский и финно-скандинавский акцент по сравнению с предыдущей, редакторы которой специализировались на Северной Америке. В этой подборке статей также обнаруживается более заметный теоретический фокус редакторов, оперирующих рядом концепций – от понятия “детерриторизации” Аппадураи до “мегаполиса и ментальной жизни” Зиммеля (*Dybbroe et al.* 2010). Гренландия, очевидно, находится в центре внимания авторских статей (*Dahl* 2010; *Sejersen* 2010; *Trøndheim* 2010), хотя здесь представлены статьи и о финской Лапландии (Сапми) (*Müller-Wille* 2010), и о Нунавуте (*Searles* 2010). Статья о Сибири является, пожалуй, самой неожиданной (*Willerslev* 2010); ее название, “Горожане без города”, хорошо отражает ее суть: постсоветские юкагирские женщины, о которых пишет Виллерслев, больше не имеют возможности уехать в город, как в советское время, однако сохраняют свое прежнее “городское мировоззрение” (*Willerslev* 2010: 204).

В конце августа 2012 г. в Нууке, Гренландия, состоялась “Первая международная конференция по урбанизации в Арктике”. Материалы ее были изданы годом позднее (*Hansen et al.* 2013). К счастью или к сожалению, конференция и ее материалы отразили очень широкий взгляд на урбанизацию в Арктике. Они охватили все регионы Арктики, начиная с Аляски и Канады и заканчивая Гренландией, Исландией, Фарерами, северной Скандинавией и несколькими северными регионами России. Завершила обширный географический охват этого сборника сравнительная глава по аборигенам Австралии. Теоретическая и дисциплинарная ориентация авторов включила исторические, социологические, экологические, экономические и пространственные подходы; вопросы гендера, инфраструктуры, развития и отдаленности также нашли отражение в сборнике. В отличие от двух вышеупомянутых подборок, в большей или меньшей степени ориентированных на академическую аудиторию, конференция по урбанизации также включала политически-ориентированные рекомендации рабочих групп участников конференции (*Hansen et al.* 2013: 213–214).

В заключение следует упомянуть одну недавно защищенную диссертацию (Ph.D. dissertation). Голландский географ Текке Терпстра исследовал “инуитов за пределами Арктики”, к которым он относит, прежде всего, гренландцев в Дании (хотя также и канадских инуитов в южной Канаде) (*Terpstra* 2015). Несмотря на то, что тема урбанизации не является в диссертации основной, обойти ее невозможно, поскольку инуиты,

проживающие за пределами Арктики, зачастую являют собой результат процессов миграции из сел в города (в некоторых случаях – из городов в села). В то же время, основным предметом диссертации Терпстры является миграция. Этот факт должен служить напоминанием о том, что большая часть исследований, посвященных урбанизации и городской антропологии Арктики, уделяет пристальное внимание миграционным процессам в Арктике в последнее десятилетие (см, например, *Huskey, Southcott* 2010). Эти исследования показывают, что миграция из городов в села – не односторонний процесс, а часть двустороннего (зачастую циклического) процесса, образующего тесные взаимосвязи между городами и селами Арктики. Миграция – неотъемлемая часть современной жизни коренного и некоренного населения Арктики. Происходящие там миграционные процессы лишены раз доказывают, что любое сельское поселение Арктики испытывает на себе влияние городов и урбанизации. Одновременно это доказывает, что арктические города также зависят от сельской местности, и это – еще один аспект, редко становящийся объектом нашего анализа.

Выводы и приглашение к дискуссии

В недавних публикациях по северу Северной Америки и процессам урбанизации, связанным с коренными народами, можно выделить несколько повторяющихся тем. Прежде всего, складывается впечатление, что во всех частях Севера урбанизация имеет женское лицо: женщины чаще, чем мужчины, мигрируют из сельской местности в города, что имеет очевидные последствия для остающегося сельского населения.

Это подводит нас к более общему замечанию о том, что пара “село-город” должна рассматриваться как единая парадигма, значение компонентов которой невозможно оценить по отдельности. Это, в свою очередь, подразумевает, что городское общество окружает нас везде, а не только в городах и поселках городского типа. В некотором смысле, существует множество доказательств того, что сельский образ жизни подвергся урбанизации, а именно, заимствовал ценности, модели поведения и технологии, распространяющиеся из городов в другие части мира. При этом данные по северу Северной Америки указывают на то, что городская жизнь, с социальной и физической точки зрения, может рассматриваться как продолжение сельской жизни. К сожалению, к настоящему времени этот факт остается слабо изученным. Его теоретическое осмысление, в некоторой степени, привело бы к неизбежному появлению “сельской антропологии” и окончательному отказу от представлений об одностороннем развитии, ведущем от традиции к современности и от сельского – к городскому.

Открытым остается вопрос, где быстрее происходит политизация и монетаризация “идентичности”: в городах или в селах, а если в городах, то не потому ли, что они расположены ближе к рынкам и центрам власти? Предварительные наблюдения предполагают положительный ответ. Тот факт, что аборигенные женщины часто доминируют в подобных “движениях идентичности”, может рассматриваться как одно из доказательств. В то же время можно отметить, что лидерство мужчин в этих процессах – явление более распространенное в североамериканской Арктике и Субарктике, чем в Сибири. Во всяком случае, в этом контексте важно то, что мужчины продолжают играть доминирующую роль в сфере жизнеобеспечения, однако то обстоятельство, что активизм в культурной сфере представлен, в основном, городскими женщинами, а не сельскими мужчинами, является фактом.

И, наконец, возникает вопрос, может ли Сибирь и остальной север Российской Федерации извлечь какие-либо уроки из примера Северной Америки. Хотя очевидно, что ситуация в североамериканской Арктике и Субарктике во многих отношениях значительно отличается от ситуации на российском Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке, велик соблазн, по крайней мере, задать такой вопрос. При этом необходимо подчеркнуть, что опыт развития городов на циркумполярном Севере нельзя строго

разделить на российский и нероссийский. Например, история городов европейской части российского Севера во многом соотносится с севером Фенноскандии, в то время как Восточная Сибирь и север Дальнего Востока обнаруживают сходства с Аляской и северной Канадой. Дихотомия “российский – нероссийский” имеет некоторый смысл лишь в отношении развития (северной) городской антропологии. Это, очевидно, связано с тем фактом, что на протяжении XX в. в России и за ее пределами развивались различные (и зачастую изолированные друг от друга) исследовательские традиции. Остается надеяться, что в будущем развитие северной городской антропологии будет происходить в условиях, более благоприятных для взаимного обогащения идеями.

В итоге вполне может оказаться, что Аляске и Канаде пойдут на пользу некоторые уроки из опыта российской Арктики и Субарктики. В то время как очевидно, что городская антропология Сибири – в отличие от сибирской городской социологии – относительно новое течение, настоящий и некоторые пока еще единичные предыдущие тематические выпуски российских академических журналов (см., напр., специальный номер журнала *Сибирские исторические исследования* за 2014 г.) являются подтверждением творческого потенциала и оригинальности этого направления. Одним из оснований этого является то, что уровень урбанизации на российском Севере значительно выше, чем в североамериканской Арктике и Субарктике. Помимо того, устойчивая дихотомия “коренной – некоренной”, характерная для Северной Америки, была вытеснена на российском Севере более сложными классификациями идентичностей. Так что можно ожидать, что в будущем развитие северной городской антропологии будет происходить за счет полевых исследований в арктических и субарктических регионах Российской Федерации.

Благодарности

Более ранние версии этого текста легли в основу презентаций, сделанных на X Конгрессе этнологов и антропологов России в Москве в июле 2013 г. и на конференции в Лаборатории социальной антропологии Томского государственного университета в ноябре 2013 г. Я хочу поблагодарить участников этих научных мероприятий за их критические замечания и Ольгу Поворознюк за ее поддержку, воодушевившую меня на написание статьи на основе сделанных докладов, а также за перевод статьи с английского языка. В ходе работы над текстом важную роль сыграло финансирование Австрийского научного фонда (Austrian Science Fund (FWF), project “Configurations of Remoteness: Entanglements of Humans and Transportation Infrastructures in the Baikal-Amur Mainline (BAM) Region” (project number P27625-G22)).

Перевод с английского О.А. Поворознюк

Источники и материалы

Arctic Social Indicators 2014 – Arctic Social Indicators II: Implementation. Copenhagen: Nordic Council of Ministers, 2014.
Megatrends 2011 – Megatrends. Copenhagen: Nordic Council of Ministers, 2011.

Article Summary

Etnograficheskoe obozrenie, 2016, no.1

P. Schweitzer. Korennye narody i urbanizatsiia na Aliaske i na kanadskom Severe [Indigenous Peoples and Urbanization in Alaska and the Canadian North]

Keywords: urban anthropology, urbanization, migration, subsistence, tradition, rural areas, indigenous peoples, Circumpolar North, Alaska, Canada

Abstract: This article attempts to explore the state of urban anthropology in northern North America, with a special focus on the indigenous peoples of Alaska. It starts with a short history of urban anthropology and proceeds with discussing the (demographic) levels of urbanization in the North American Arctic and Subarctic. Thereby, problematic dichotomies between rural and urban and traditional and modern will be touched upon. Finally, more recent developments in northern urban anthropology will be discussed, and potential comparative dimensions with the situation in the Russian North addressed.

Author: **Peter Schweitzer**, University of Vienna (Vienna, Austria), e-mail: peter.schweitzer@univie.ac.at

References:

- Blackman M.B. Anaktuvuk Pass Goes to Town. *Études Inuit Studies*, 2008, vol. 32(1), pp. 107–115.
- Brody H. *Indians on Skid Row*. Ottawa: Department of Indian Affairs and Northern Development, 1971.
- Christensen J. *Homeless in a Homeland: Housing (In)security and Homelessness in Inuvik and Yellowknife, Northwest Territories, Canada*. Ph.D. dissertation, McGill University, 2011.
- Comaroff J.L., Comaroff J. *Ethnicity, Inc*. Chicago: University of Chicago Press, 2009.
- Dahl J. Identity, Urbanization and Political Demography in Greenland. *Acta Borealia*, 2010, vol. 27(2), pp. 125–140.
- Daniello D.L. *Villagers to Townsman: A Comparative Study of Eskimo Migrant Adjustment Patterns in Fairbanks, Alaska*. M.A. thesis, University of Alaska Fairbanks, 1993.
- Donahoe B., Habeck J.O. (eds.) *Reconstructing the House of Culture: Community, Self, and the Makings of Culture in Russia and Beyond*. New York: Berghahn Books, 2011.
- Dubbs P.J. *The Urban Adaptation Patterns of Alaska Eskimos in Anchorage, Alaska*. Ph.D. dissertation, Michigan State University, 1975.
- Dybbroe S. Is the Arctic Really Urbanising? *Études Inuit Studies*, 2008, vol. 32(1), pp. 13–32.
- Dybbroe S., Dahl J., Müller-Wille L. Dynamics of Arctic Urbanization. *Acta Borealia*, 2010, vol. 27(2), pp. 120–124.
- Ervin A.M. A Review of the Acculturation Approach in Anthropology with Special Reference to Recent Change in Native Alaska. *Journal of Anthropological Research*, 1980, vol. 36(1), pp. 49–70.
- Feldman K.D. Applied Cultural Anthropology In Alaska: New Directions. *Alaska Journal of Anthropology*, 2009, vol. 7(1), pp. 1–19.
- Fogel-Chance N. Living in Both Worlds: “Modernity” and “Tradition” among North Slope Iñupiaq Women in Anchorage. *Arctic Anthropology*, 1993, vol. 30(1), pp. 94–108.
- Fried J. Urbanization and Ecology in the Canadian Northwest Territories. *Arctic Anthropology*, 1964, vol. 2(2), pp. 56–60.
- Habeck J.O. *Das Kulturhaus in Russland. Postsozialistische Kulturarbeit zwischen Ideal und Verwehrlosung*. Bielefeld: transcript, 2014.
- Hansen K.G., Rasmussen R.O., Weber R. (eds.) *Proceedings from the First International Conference on Urbanisation in the Arctic*. Conference 28–30 August 2012, Ilulissat, Nuuk, Greenland. Nordregio Working Papers. Stockholm: Nordregio, 2013.
- Honigsmann J.J., Honigsmann I. *Eskimo Townsman*. Ottawa: Saint Paul University, Canadian Research Center for Anthropology, 1965.
- Huskey L., Southcott C. (eds.) *Migration in the Circumpolar North: Issues and Contexts*. Edmonton, Alberta: CCI Press in cooperation with the University of the Arctic, 2010.

- Kishigami N. Inuit Social Networks in an Urban Networks. *Critical Inuit Studies: An Anthology of Contemporary Arctic Ethnography*, ed. P. Stern, L. Stevenson. Lincoln: University of Nebraska Press, 2006, pp. 206–216.
- Kishigami N. Homeless Inuit in Montreal. *Études Inuit Studies*, 2008, vol. 32(1), pp. 73–90.
- Kishigami N., Lee M. Urban Inuit. *Études Inuit Studies*, 2008, vol. 32(1), pp. 9–11.
- Lee M. The Cooler Ring: Urban Alaskan Native Women and the Subsistence Debate. *Arctic Anthropology*, 2002, vol. 39(1–2), pp. 3–9.
- Lee M. “How Will I Sew My Baskets?”: Women Vendors, Market Art, and Incipient Political Activism in Anchorage, Alaska. *American Indian Quarterly*, 2003, vol. 27(3–4), pp. 583–592.
- Leeds A. *Cities, Classes, and the Social Order*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1994.
- Letkemann P.G. First Nations Urban Migration and the Importance of “Urban Nomads” in Canadian Plains Cities: A Perspective from the Streets. *Canadian Journal of Urban Research*, 2004, vol. 13(2), pp. 241–256.
- Low S.M. The Anthropology of Cities: Imagining and Theorizing the City. *Annual Review of Anthropology*, 1996, vol. 25, pp. 383–409.
- Low S.M. Introduction: Theorizing the City. *Theorizing the City: The New Urban Anthropology Reader*, ed. S.M. Low. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1999, pp. 1–33.
- Milan F.A., Pawson S. The Demography of the Native Population of an Alaskan City. *Arctic*, 1975, vol. 28(4), pp. 275–283.
- Müller-Wille L. Precursors of Urban Processes in Finnish Sápmi in the 1960s. *Acta Borealia*, 2010, vol. 27(2), pp. 141–150.
- Ocejo R.E. Introduction: Sociology’s Urban Explorers. *Ethnography and the City: Readings on Doing Urban Fieldwork*, ed. R.E. Ocejo. New York: Routledge, 2013, pp. 1–14.
- Ostergaard P.E. *Quality of Life in a Northern City: A Social Geography of Yellowknife, N.W.T.* Master’s thesis, University of British Columbia, 1976.
- Pardo I., Prato G.B. (eds.) *Anthropology in the City: Methodology and Theory*. Farnham, Surrey: Ashgate, 2012.
- Park R.E., Burgess E. *The City: Suggestions for the Study of Human Nature in the Urban Environment*. Chicago: University of Chicago Press, 1925.
- Patrick D., Tomiak J.-A. Language, Culture and Community among Urban Inuit in Ottawa. *Études Inuit Studies*, 2008, vol. 32(1), pp. 55–72.
- Pedersen B.K. Young Greenlanders in the Urban Space of Nuuk. *Études Inuit Studies*, 2008, vol. 32(1), pp. 91–105.
- Rademacher A. Urban Political Ecology. *Annual Review of Anthropology*, 2015, vol. 44, pp. 137–152.
- Rygaard J. The City Life of Youths in Greenland. *Études Inuit Studies*, 2008, 32(1), pp. 33–54.
- Sanjek R. Urban Anthropology in the 1980s: A World View. *Annual Review of Anthropology*, 1990, vol. 19, pp. 151–186.
- Searles E. (Ned). Placing Identity: Town, Land, and Authenticity in Nunavut, Canada. *Acta Borealia*, 2010, vol. 27(2), pp. 151–166.
- Sejersen F. Urbanization, Landscape Appropriation and Climate Change in Greenland. *Acta Borealia*, 2010, vol. 27(2), pp. 167–188.
- Senese L.C., Wilson K. Aboriginal Urbanization and Rights in Canada: Examining Implications for Health. *Social Science & Medicine*, 2013, vol. 91, pp. 219–228.
- Snyder M., Wilson K. Urban Aboriginal Mobility in Canada: Examining the Association with Health Care Utilization. *Social Science & Medicine*, 2012, vol. 75, pp. 2420–2424.
- Sprott J.E. “Symbolic Ethnicity” and Alaska Natives of Mixed Ancestry Living in Anchorage: Enduring Group or a Sign of Impending Assimilation? *Human Organization*, 1994, vol. 53(4), pp. 311–322.
- Terpstra T. *Inuit outside the Arctic: Migration, Identity and Perceptions*. Ph.D. dissertation, University of Groningen, 2015.
- Tierney G. *Spilled Goods: Profiles of Skid Row Women*. Ph.D. dissertation, University of South Florida, 1991.
- Trondheim G. Kinship in Greenland – Emotions of Relatedness. *Acta Borealia*, 2010, vol. 27(2), pp. 208–220.

- Walks R.A., Bourne L.S. Ghetto's in Canada's Cities? Racial Segregation, Ethnic Enclaves and Poverty Concentration in Canadian Urban Areas. *The Canadian Geographer*, 2006, vol. 50(3), pp. 272–297.
- Weber B. “Government Closer to the People”: On Decentralization in Nunavut. *Polar Geography*, 2014, vol. 37(2), pp. 177–192.
- White G.A. “Eskimo Village”: *An Ethnic Enclave in Fairbanks, Alaska*. M.A. thesis, University of Alaska Fairbanks, 1981.
- Willerslev R. “Urbanites without a City”: Three Generations of Siberian Yukaghir Women. *Acta Borealia*, 2010, vol. 27(2), pp. 189–207.
- Williams A.M. Canadian Urban Aboriginals: A Focus on Aboriginal Women in Toronto. *The Canadian Journal of Native Studies*, 1997, vol. 17(1), pp. 75–101.